

William Taubman

Gorbachev: His Life and Times

New York (NY): Norton, 2017

За первые два года пребывания Михаила Горбачева в Кремле его программа экономической реформы — перестройка — не сдвинулась с места, но его призыв к гласности “распространился с молниеносной быстротой” (С. 314) как в прессе, так и в массовой культуре, напоминает Уильям Таубман в новой биографии Горбачева. В своем труде Таубман опирается на огромный материал, который несомненно обогатит наши знания о последнем лидере СССР. Благодаря гласности журналисты писали то, что думали, не опасаясь последствий. Советник Горбачева Анатолий Черняев также свидетельствовал о “шквале в литературе, кино и театре” (С. 314).

Этот шквал был ударной волной истории. Горбачев знал, что гласность придаст сил его сторонникам и может привести в Россию атмосферу свободомыслия. Но вместе с тем такая свобода сама по себе создавала проблемы. В России свобода всегда была противоречивым явлением, пишет Таубман, и Горбачев попался в эту ловушку, как и многие другие реформаторы до него. “Отсутствие свободы

в России на протяжении многих лет служило объяснением тому, почему так трудно было ее достичь, — пишет Таубман. — Разве могут те же самые люди, которые так долго были лишены свободы, обращаться с нею ответственно? Как показывает история, они склонны заходить слишком далеко, доводить все до крайностей, требовать слишком много слишком скоро — ровно то, чего опасался Горбачев со стороны некоторых приверженцев гласности” (С. 314–315). В личных беседах с некоторыми из своих помощников Горбачев говорил: “Мы завалили социализм, ничего от него не осталось”¹, — и в то же время предостерегал от критики “святого дела, во имя которого бесчисленное число советских граждан жертвовали собой и умирали, в которое многие из них верят до сих пор” (С.315).

В книге Таубмана создается портрет Горбачева, который постоянно противостоит напору этих двух диаметрально противоположных позиций. Начиная с ранних лет в качестве партийного работника в глубинке

¹ ЧЕРНЯЕВ А. *Совместный исход. Дневники двух эпох. 1972–1991*. М.: РОССПЭН, 2012. С. 312.

и заканчивая эпохальным периодом в роли главы советского государства в 1985–1991 годах, Горбачев все время оказывался перед сложным выбором между собственным непреодолимым стремлением к решительным переменам и упорным сопротивлением со стороны старой гвардии. Однажды, в 1987 году, пишет Таубман, Горбачев столкнулся с противоположными взглядами на перестройку и гласность со стороны Александра Яковлева, либерального архитектора нового мышления, и Егора Лигачева, который стоял во главе реакционных сил. Выступая за свободный обмен мнениями, Горбачев побуждал их обоих открыто высказывать свою точку зрения. Однако Таубман отмечает, что подобный подход вызвал замешательство среди многих его подчиненных, которые “привыкли следовать одной партийной линии, а не двум” (С. 316). Горбачев не пытался вмешиваться, полагая, что такова “цена, которую он должен заплатить, затеяв сложную игру на удержание равновесия” (С. 316).

Действительно, тот Горбачев, который находится в центре данной биографии, постоянно ведет игру на удержание равновесия, совершая галсы то в одну, то в другую сторону, осторожно направляя политический процесс, стараясь не обидеть приверженцев жесткого курса, стремясь к еще более быстрым и радикальным преобразованиям — но при этом испытывая смутное чувство, что в действительности он не знает, как этого достичь. Книга Таубмана ни в коей мере не создает у читателя представление, что Горбачев с головой окунулся в идею гласности и перестройки, не видя сопряженных с этим рисков. Он, безусловно, замечал подводные камни. Он менял политический курс то влево, то вправо; поразительно, как далеко ему удалось продвигаться.

Как раз перед тем как случился неудавшийся путч 1991 года, пишет Таубман, Горбачев с женой Раисой прогуливались по берегу моря в Форосе. Так сложилось на протяжении многих лет, что их прогулки сопровождались оживленными беседами, и на этот раз они обсуждали, что в большей степени формирует политических лидеров: личность или обстоятельства? Они пришли к выводу, что события

нередко пробуждают в людях лучшее. “Обстоятельства возвышают лидеров, — решили они, по словам Таубмана, — зачастую превращая те черты, которые обычно воспринимаются как слабость, в сильные качества”.

Так произошло с самим Горбачевым. Он изменился под влиянием обстоятельств, но он их и создал. Уильям Таубман, почетный профессор политологии Амхерстского колледжа и автор биографии Никиты Хрущева, удостоенной Пулитцеровской премии, посвящает целую треть своей работы ранним годам Горбачева и шаг за шагом прослеживает эволюцию своего героя, которая столь сильно повлияла на его дальнейшие действия.

Тому, кто достаточно подробно представляет себе развитие событий в СССР в период правления Горбачева, именно первая треть книги Таубмана покажется наиболее свежей и интересной — там, где автор рассказывает о жизненном опыте Горбачева до его прихода в Кремль, о том, как перед ним постепенно открывалась картина советской жизни и как полученные тогда впечатления повлияли на его установки и решения в дальнейшем. Стоит отдельно отметить, как эмоционально, но вместе с тем деликатно Таубман описал историю отношений Горбачева с вдумчивой и привлекательной девушкой Раисой.

Кропотливое исследование Таубмана показывает нам, как по мере продвижения по служебной лестнице у Горбачева копились сомнения относительно того, что он наблюдал вокруг. И все же он оставался преданным членом партии, конформистом и никогда не отходил от усвоенных ранее представлений настолько, чтобы стать решительным критиком или противником системы, которая трещала по швам.

С юных лет Горбачев видел, какая пропасть лежит между лозунгами о светлом коммунистическом будущем и реальностью повседневной советской жизни, исполненной трудностей и лишений. На первом курсе его сокурсники по Московскому государственному университету могли пренебрежительно посмеиваться над “деревенщиной”, который носил на отвороте пиджака орден Трудового Красного Знамени, полученный им за те пять летних сезонов, когда он помогал отцу

работать на огромном зерноуборочном комбайне. Но в то же время Горбачев лучше них знал, в какую страшную катастрофу повергла сельскую местность сталинская коллективизация. Вместе со своим близким другом Зденеком Млынаржем он посмотрел фильм “Кубанские казаки”, в котором изображались счастливые колхозники, радостно собирающие урожай. “Это неправда, — шепнул Горбачев другу, как пишет Таубман. — Если бы председатели колхозов не применяли к колхозникам грубой силы, они бы, наверное, вообще не работали” (С. 57).

Позже, уже на первой партийной работе, он писал своей будущей жене Раисе, что местные руководители “отвратительны” в своем поведении: заносчивые, наглые и заурядные. Работая во время летней практики в партийных органах районного уровня, он был потрясен тем, как выглядело отдаленное село Горькая Балка, сплошь состоявшее из “низких мазанок, курившихся дымком, и черных корявых плетней”, и задавался вопросом: “Что же это такое, разве можно так жить?”². Позднее, после подавления советскими войсками Пражской весны в 1968 году, Горбачев оказался в составе советской делегации в Чехословакии. В Брно рабочие завода отворачивались от членов советской делегации, в числе которых был и Горбачев, и из этого он извлек урок, что применение Москвой силы ничего не решило. Горбачев также начал подвергать сомнению чрезмерную централизацию советской системы. Оставаясь верным членом партии, во время поездок в Западную Европу он видел, что “люди живут там в лучших условиях. Почему мы живем хуже других развитых стран? Этот вопрос неотступно стоял передо мной”³. Его сомнения выплеснулись наружу во время поездки в Канаду в 1983 году. Как-то, во время перерыва между встречами, он прогуливался по саду с Александром Яковлевым, который тогда был советским послом в Канаде. Горбачев откровенно высказал Яковлеву свою глубокую обеспокоенность и тревогу, и они обнаружили, что на многое смотрят одинаково.

2 Горбачев М. *Жизнь и реформы*. Кн. 1. Ч. 1. Гл. 4. М.: Издательство “Новости”, 1995. URL: http://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_6/ (доступ 06.10.2017).

3 *Цит. соч.* Кн. 1. Ч. 1. Гл. 6. URL: http://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_8 (доступ 06.10.2017).

во. Система прогнила и ее необходимо менять.

С этими сомнениями Горбачев пришел во власть, сначала как генеральный секретарь, а затем как президент Советского Союза. Таубман подробнейшим образом описывает годы Горбачева в Кремле, активно используя мемуары как самого Горбачева, так и его окружения, равно как и сведения, полученные из первоисточников. Таубман приходит к выводу, что Горбачев был мечтателем, полным решимости “идти дальше”, лидером, который был наделен “природным оптимизмом, был убежден в собственной правоте и обладал сильным интеллектом” (С. 689). По мнению автора, Горбачев испытывал огромное желание доказать, что он способен на большие свершения; но в то же время он неизбежно склонялся к необходимости действовать постепенно, поскольку изначально испытывал неуверенность и в конечном счете оказался трагически не готов отказаться от советской системы.

Решительность намерений Горбачева часто недооценивалась или оставалась незамеченной. Когда в 1985 году он сказал восточноевропейским лидерам, что Москва не собирается навязывать им свою волю, по словам Таубмана, лидеры стран Варшавского договора “разъехались в твердой уверенности, что он не бросит их, а скорее вытащит из тех ям, которые они сами себе вырыли” (С. 268–269). Однако Горбачев имел в виду то, что сказал, и четыре года спустя не стал их спасать в тот момент, когда рухнула Берлинская стена и увлекла их за собой.

Подобным же образом, когда Горбачев в январе 1986 года предложил к концу XX века ликвидировать все ядерное оружие, он повторил то, о чем в течение многих лет твердила советская пропаганда разоружения, — и к его словам отнеслись с тем же пренебрежением, с каким относились к советской пропаганде. Однако, как пишет Таубман, Горбачев “говорил всерьез” и строил планы, как убедить в своей правоте президента США Рональда Рейгана на их следующем саммите. В октябре в Рейкьявике он именно это и сделал. Это был один из счастливых моментов в истории, когда Рейган разделил точку зрения Горбачева. На саммите в Рейкьявике они

были очень близки к наиболее масштабному за весь ядерный век соглашению по контролю над вооружением, но затем зашли в тупик из-за мечты Рейгана о создании противоракетной обороны, известной под названием “Стратегическая оборонная инициатива”. Когда встреча закончилась, многие из тех, кто был в Рейкьявике, в том числе и автор этой рецензии, сочли, что переговоры оказались трагическим провалом. Но Горбачев, выйдя к прессе, назвал встречу успешной и в конечном итоге оказался прав: саммит стал первым шагом к прекращению гонки вооружений.

Во внутренних делах Горбачев привнес глоток свежего воздуха в застойную, закрытую советскую систему; его политика гласности стала исключительным, крайне важным достижением, эффект которого невозможно переоценить. В 1989 году в результате первых со времен большевистской революции относительно свободных выборов был избран новый законодательный орган — Съезд народных депутатов СССР. Горбачев отдал распоряжение, чтобы из зала заседаний парламента велась прямая телевизионная трансляция, и советские люди были ошеломлены зрелищем открытых дебатов и критическими выступлениями. Но в результате горбачевских реформ вышли из-под контроля разного рода центробежные силы, и стремление к независимости со стороны ряда советских республик вскоре привело к краху Советского Союза. Таубман также подробно описывает губительные последствия соперничества Горбачева с Борисом Ельциным.

Теперь, по прошествии времени, прочитав работу Таубмана, можно прийти к заключению, что Горбачев не так уж многого добился. Он должен был порвать с партией, отказаться от старой гвардии и самостоятельно взяться за строительство социального государства на основе демократической системы. Не знаю, могло ли это получиться. Но совершенно очевидно, что неготовность совершить эти шаги привела к тому, что он остался на палубе тонущего корабля.

Корабль тонул в трясине экономической несостоятельности, с которой Горбачев пытался справиться робкими полумерами. Он не сумел осуществить огромный скачок

к капитализму, отказавшись от предложенного Григорием Явлинским плана по переходу к рыночной экономике под названием “500 дней”. Хотя Таубман не останавливается подробно на этом аспекте, но одной из наиболее значительных перемен горбачевской эпохи было появление кооперативов, первых предприятий частного бизнеса, благодаря которым олигархи времен Ельцина впервые ощутили вкус прибыли. Кооперативы открыли дорогу предпринимательству, которое так долго было под запретом в Советском Союзе, и все же на том этапе этого было едва ли достаточно для того, чтобы компенсировать более серьезные экономические бедствия: бремя масштабной милитаризации, а также государственный контроль над ценами, ответственностью и торговлей.

Историю Михаила и Раисы Горбачевых, трогательную и искреннюю, Таубман начинает с их знакомства в МГУ и ведет через годы испытаний и трудностей. Когда после саммита в Рейкьявике Горбачев принял решение назвать встречу успехом, Раиса испытала прилив радости, но в глазах ее стояли слезы. Горбачев постоянно делился с Раисой своими раздумьями; она была рядом с ним во время попытки переворота 1991 года, которая для нее закончилась микроинсультом. Когда Горбачев вернулся из Фороса в Москву, с политической точки зрения ему следовало бы присоединиться к ликующим москвичам, которые возле Белого дома праздновали провал путча. Толпы людей на протяжении многих часов ждали его, чтобы поприветствовать. Однако Горбачев прежде всего волновался о состоянии Раисы. Вместо того чтобы праздновать с народными толпами, он повез ее домой. (Горбачева повсюду — справедливо — критиковали за то, что он оказался не в состоянии понять, насколько быстро после путча страна восстала против Коммунистической партии.) Таубман рассказывает меланхоличную историю об этих днях. Раиса проводила время, читая на веранде и подолгу глядя вдаль; 27 августа она собрала пятьдесят два письма, которые она получила от Горбачева в ранние годы, до того, как он стал генеральным секретарем ЦК КПСС, и сожгла их одно за другим. Горбачев, вернувшись домой, застал ее

в слезах. “Я только что сожгла все наши письма, — сказала она ему. — Я не перенесу, если будут копаться в моей жизни, если случится еще один Форос”⁴ (С. 621).

Для тех, кому интересен Горбачев как человек и как лидер, книга Таубмана — настоящий кладезь подробной информации. Читатель будет поражен тем, как глубоко автор понимает Горбачева и как блестяще он строит свое повествование. Подзаголовок книги — “Жизнь и эпоха” Горбачева — подсказывает

нам основную мысль биографии: Горбачев был яркой вспышкой в истории; он открыл путь к свободе для миллионов людей, ослабил ядерное противостояние времен холодной войны и сокрушил советский коммунизм на его же родине. Но вызванный им в итоге стихийный пожар поглотил его самого.

Дэвид Хоффман

4 Цит. по Раиса. *Памяти Раисы Максимовны Горбачевой*. М.: Вагриус, 2000.

